

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

УДК 340.01

ДИАЛОГ КАК МЕХАНИЗМ РАЗРЕШЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

И. Л. Честнов

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

Поступила в редакцию 4 февраля 2025 г.

Аннотация: показаны перспективы диалога в разрешении юридических конфликтов. Утверждается необходимость операционализации диалогизма как философского направления в инструментальную программу. В статье рассматриваются процедуры делиберативной аргументации, выражающие диалогизм, позволяющие достичь консенсус в правовых конфликтах.

Ключевые слова: диалог, юридический конфликт, делиберация, аргументативный дискурс.

DIALOGUE AS A MECHANISM FOR RESOLVING LEGAL CONFLICTS

I. L. Chestnov

*St.-Petersburg Law Institute (branch)
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*

Abstract: the prospects for dialogue in resolving legal conflicts are shown. The necessity of operationalizing dialogism as a philosophical trend into an instrumental program is argued. The article discusses the procedures of deliberative argumentation, expressing dialogism, allowing to reach consensus in legal conflicts.

Key words: dialogue, legal conflict, deliberation, argumentative discourse.

Диалог – сложное явление. Некогда популярная в филологии и философии тема диалога, получившая некоторое развитие в других общественных дисциплинах, сегодня редко востребуется в научных исследованиях (приятное исключение составляют последние публикации А. В. По-

© Честнов И. Л., 2025

лякова). Однако диалог – это ни много ни мало основание социальности, единственно возможный способ совместной жизнедеятельности людей.

Энтузиазм, с которым идеи диалогизма были восприняты, например, в социологии, политологии, юриспруденции, значительно поубавился, возможно, потому, что чрезвычайно сложно операционализировать (использовать) диалогическую методологию в практике, в том числе юридической. Если диалог определить как взаимопонимание (а именно так его трактуют и в философии, и в лингвистике), то возникает вопрос: имеет ли место диалог на поле боя, когда один военачальник мысленно понимает тактику противника и оба они используют ее в своих целях (в данном случае – разгромить противника)? Можно ли говорить о диалоге между лицом, совершившим преступление, и представителем государства, задачей которого является изобличение правонарушителя, принимая во внимание, что и тот, и другой стремятся понять противоположную сторону? Даже если диалог определить как такое взаимопонимание, которое предполагает сотрудничество сторон, то критерии такового – сотрудничества – также можно интерпретировать по-разному (например: можно ли считать внешним проявлением диалога ненападение на другого; является ли диалогом «миссия белого человека», к которой многие традиционные общества отнеслись негативно; можно ли считать диалогом вынужденное сотрудничество?).

Всё это говорит о том, что одним из важнейших направлений развития философии и теории диалогизма является выяснение того, как диалогическая методология трансформируется в методику, например, разрешения юридических конфликтов. Об этом и пойдет речь ниже.

Сегодня уместно говорить о том, что отличительной особенностью постсовременного общества является рост его конфликтогенности или агональности: хотя это свойственно любому социуму, однако именно сегодня количество и интенсивность конфликтов резко возросло. При этом критерии конфликтности не менее проблематичны, чем признаки диалогичности: высказывание иной точки зрения в научной полемике – это конфликт? А если противоположная позиция заявляется в политическом собрании? Следует ли к конфликтам относить только военное противостояние или ненасильственное сопротивление – это тоже разновидность конфликта?

Эта сложность в квалификации (с политико-юридической точки зрения) усугубляется тем, что современные конфликты приобрели информационную форму, вне которой они, по большому счету, не существуют. Более того, виртуализация постсовременного общества приводит к тому, что любой конфликт всегда включает борьбу за информационный ресурс – навязать другой (другим) стороне свое «видение и делание со-

циального мира» (по терминологии П. Бурдьё). Как утверждается в неомарксистских постструктуралистских исследованиях власти, поздний капитализм стал использовать мягкие, но всепроникающие механизмы воздействия на умы и поведение подвластных как раз с помощью власти-знания. Информация стала новой производительной силой и значительно изменила социальную структуру, по сравнению с классическим капитализмом (с моей точки зрения, это основание именовать такое общество информационным или постиндустриальным). На смену классам и классовой стратификации приходит разделение людей по принципу включенные/исключенные. В результате основное разделение на конфликтующие сегменты проходит не по классовой дифференциации, а по основаниям включенности/исключенности. Этот вопрос, несомненно, требует специального осмысления. Сейчас же можно констатировать: сегодня стало очевидным, что актуальнейшей и одновременно сложнейшей задачей социальных наук (и правоведения) является выработка адекватных способов разрешения или регулирования конфликтов, включая юридические.

Пожалуй, следует согласиться с мнением Р. Дарендорфа, классика конфликтологии, утверждавшего, что конфликты имманентны социальной системе¹ и потому «окончательно разрешить их» в ее – системе – рамках невозможно, для этого необходимо революционное ее изменение. Но возможно и необходимо регулировать конфликты, снижая их интенсивность (степень значимости, важности для их акторов)². Одним из перспективных вариантов таковых является диалогическая методология.

Однако, повторюсь, весьма непростым является «перевод» диалогизма как оригинального направления философской мысли в методолого-методическую плоскость для того, чтобы использовать таковую в качестве операциональной программы разрешения конфликтов. Полагаю, что из существующих на сегодняшний день такого рода программ ближе всего к идеям диалога примыкает делиберативная теория достижения согласия по вопросам истины, нормативной значимости и уместности (понятности), разработанная Ю. Хабермасом³. Она дополняет и конкретизирует общие принципы регулирования конфликтов, сформулированные в со-

¹ Это же утверждает другой классик современной социологии Р. Коллинз, заявляя, что люди – общественные, но склонные к конфликтам животные. Конфликты, сопровождаемые насилием, – это, по его мнению, потенциальный ресурс с нулевой суммой. См.: Collins R. Conflict sociology: toward an explanatory science. N.Y., 1975. P. 58.

² См.: Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Западная социология: современные парадигмы : антология / сост. Г. Н. Соколова, Л. Г. Титаренко. Минск, 2015. С. 180.

³ См.: Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем А. К. Судакова. М., 2022.

временной конфликтологии, например, Р. Дарендорфом. К ним относятся манифестирование конфликта, т.е. признание того, что конфликт реально существует, и согласие участников конфликта на известные «правила игры» – способы разрешения противоречий (такowymi являются переговоры, посредничество, арбитраж и др.)⁴.

Делиберативная теория или программа, ко всему прочему, уточняет важные практические проблемы так называемой со-общественной теории и практики, разработанные в 70-е гг. XX в. американским политологом нидерландского происхождения А. Лейпхартом. Этот подход был разработан и апробирован специально для разрешения конфликтов в многосоставных обществах⁵. К многосоставным обществам относятся такие, в которых существует четкая граница между конфликтующими сегментами и сами они обладают явно и ясно выраженной политико-правовой идентичностью. Правила разрешения конфликтов, доказавшие свою работоспособность, следующие:

1) большая коалиция: власть в таком государстве осуществляется коалицией лидеров конфликтующих сегментов. Это может быть кабинет большой коалиции в парламентской республике; комитет с широкими полномочиями с участием президента и представителей сторон в президентской республике;

2) правило взаимного вето при принятии решений, обеспечивающее обязательный учет мнения каждой из сторон;

3) пропорциональность при формировании органов государственной власти и распределения ресурсов;

4) широкая автономия всем сегментам такого многосоставного общества⁶.

При всех достоинствах этой теории и практики в ней не разработан (или не получил четкой детализации, кроме правила отлагательного вето) механизм или процедура того, как следует вести переговоры конфликтующим сегментам, как должны вырабатываться решения и нормы. Представляется, что делиберативная концепция как механизм обсуждения дает ответ на этот вопрос и направлена на то, чтобы обеспечить диалог как взаимное согласие. Такое согласие предполагает формальное равенство и свободу волеизъявления потенциально неограниченной аудитории, которая по правилам аргументации вырабатывает, например, социальные нормы (включая нормы права)⁷, притязающие

⁴ См.: Дарендорф Р. Указ. соч. С. 180–181.

⁵ См.: Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / пер. с англ. под ред. А. М. Салмина, Г. В. Каменской. М., 1997.

⁶ См.: Там же. С. 60–88.

⁷ Делиберация успешно работает, прежде всего, при выработке политических решений.

на универсальную значимость – распространяющиеся на всех, кого они затрагивают, и являющиеся легитимными, так как выработаны на основе взаимного согласия. Важно то, что консенсус, который после появления критических теорий всегда «под подозрением», не является заранее заданным, предсуществующим, но конструируется рациональной аргументацией. Такой подход разрабатывает К.-О. Апель, который сформулировал концепт «свободной от принуждения коммуникации». Аргументативный дискурс, которому он уделяет большое внимание, направлен на рациональное восприятие спорных притязаний и выработку консенсуса⁸. При этом процедуры делиберации позволяют выработать консенсус по поводу притязаний на значимость норм права на основе возможности оспаривания любой иной точки зрения и тем самым обеспечить их – норм – легитимность⁹.

Рассмотрим процедуры делиберативности применительно к выработке притязаний на значимость норм права¹⁰. Ю. Хабермас среди десятка процедур делиберации основное внимание уделяет следующим:

- каждый владеющий языком и дееспособный субъект может принять участие в дискурсе;
- каждый может вводить в дискурс любое утверждение;
- каждый может выражать свои установки, желания и потребности;
- никакое принуждение, господствующее вне или внутри дискурса, не должно мешать никому из говорящих реализовать свои права, определенные в этих процедурах¹¹.

Другие авторы к принципам делиберативности относят:

- всеобщую политическую информированность граждан о планах по текущему управлению и реформам;
- возможность публичного выражения мнения для любого лица или ассоциации;
- осознанное, добросовестное и последовательное использование аргументов в открытой полемике на любую общественно значимую тему;
- запрет на исключение какой-либо группы (лица) из коммуникации;
- широкое распространение общественных консультаций и экспертиз – электронное правительство¹².

⁸ См.: *Apel K.-O. Die Diskursethik. Theorien-Entwicklungen-Perspektiven*. Berlin, 2000.

⁹ См. подробнее: *Хабермас Ю.* Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / пер. с нем. Т. Атнашева. М., 2023. С. 29–31.

¹⁰ Они, со ссылкой на Р. Алекси, изложены Ю. Хабермасом в работе: *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева. СПб., 2000. С. 137–147.

¹¹ См.: Там же. С. 140.

¹² См.: *Беляев М. А.* Делиберативная модель демократии: базовые принципы и проблемы реализации // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14, № 3. С. 87.

Важно, что решение принимается только тогда, когда чья-то позиция убедительна и значима для всех остальных. Поэтому «убеждения в конечном счете покоятся на достигнутом в ходе дискурса консенсусе»¹³. Общий вывод Ю. Хабермаса гласит: на искомую значимость «могут претендовать только те нормы, которые получают (или могли бы получить) одобрение со стороны всех заинтересованных лиц как участников практического дискурса»¹⁴. Поэтому принципиальное значение приобретают правила аргументации, призванные сделать рациональными и универсальными индивидуальные притязания на значимость выдвигаемых норм права.

К.-О. Апель формулирует следующие нормативные правила аргументативного дискурса:

1) воздержание от использования всего того, что не относится к аргументации;

2) выдвижение таких аргументов, которые были бы приняты всем коммуникативным сообществом, включая процедуры их тестирования мыслительными экспериментами или, если такая возможность существует, на практике;

3) признание других как равноправных себе участников коммуникации, если они соблюдают правила аргументации;

4) приложение усилий для расширения понимания своих аргументов другими участниками коммуникации¹⁵.

Нидерландские логики Ф. Х. ван Еемерен и Р. Гроотендорст, развивая идеи Х. Перельмана и Ст. Тулмина, формулируют следующие правила рациональной аргументации – «прагма-диалектической дискуссии», которые конкретизируют идеи делиберации:

- право на оспаривание любой точки зрения;
- участник дискуссии, ставящий под сомнение точку зрения другого участника дискуссии, имеет право вызвать его для защиты своей позиции;
- последний обязан принять выдвинутый вызов кроме специально оговариваемых случаев;
- бремя доказывания несет тот, кто выдвигает свою точку зрения;
- стороны должны договориться о правилах проведения дискуссии, в том числе о том, как именно выдвигаются и защищаются приводимые аргументы;
- список пропозиций должен быть заранее согласован обеими сторонами, и выработаны критерии их приемлемости (интерсубъективной идентификации);

¹³ Беляев М. А. Указ. соч. С. 141.

¹⁴ Там же. С. 146.

¹⁵ См.: *Apel K.-O. Op. cit. S. 38–41.*

– критерии успешности аргументации должны быть заранее определены: речь идет о процедурах intersubjective экспликации и тестирования позиций через использование допустимых аргументов¹⁶.

Представленный подход, как и вся формальная логика, является процедурно-формальным, хотя в этом заключено его преимущество: невозможно заранее определить содержательность приводимых аргументов, но если действовать в соответствии с согласованными заранее правилами, то можно прийти к взаимному согласию по многим конфликтным вопросам. Ко всему прочему, как отмечает Ю. Хабермас, в современных плюралистических обществах универсальное мировоззрение утратило свою легитимирующую силу, поэтому легитимность современного демократического правового государства основана исключительно на «юридически институционализированной процедуре принятия решений»¹⁷. Таким образом, важен анализ прагма-диалектической реконструкции конфликта, который способен привести к преодолению разногласий, если удастся изучить, «какие именно вопросы являются предметом спора, какие процедуры и фактические отправные точки выбраны, какие эксплицитные, имплицитные, косвенные и невысказанные аргументы выдвигаются, какие схемы аргументов используются в каждой отдельной аргументации и как аргументация, сформированная путем объединения отдельных аргументов, структурирована»¹⁸.

Библиографический список

Беляев М. А. Делиберативная модель демократии: базовые принципы и проблемы реализации / М. А. Беляев // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Т. 14, № 3. – С. 79–95.

Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Западная социология: современные парадигмы : антология / сост. Г. Н. Соколова, Л. Г. Титаренко. – Минск : Белорусская наука, 2015. – С. 174–182.

Еемерен Ф. Х. ван. Систематическая теория аргументации : прагма-диалектический подход / Ф. Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст ; пер. с англ. И. В. Берестова, О. А. Доманова, Д. В. Ильиной, И. Е. Кима ; под общ. ред. О. А. Доманова. – М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. – 264 с.

Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах : сравнительное исследование / А. Лейпхарт ; пер. с англ. под ред. А. М. Салмина, Г. В. Каменской. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 287 с.

¹⁶ См.: Еемерен Ф. Х. ван, Гроотендорст Р. Систематическая теория аргументации: прагма-диалектический подход / пер. с англ. И. В. Берестова, О. А. Доманова, Д. В. Ильиной, И. Е. Кима ; под общ. ред. О. А. Доманова. М., 2021. С. 173–200.

¹⁷ Хабермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика. С. 89–90.

¹⁸ Там же. С. 125.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас ; пер. с нем. под ред. Д. В. Скляднева. – СПб. : Наука, 2000. – 380 с.

Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / Ю. Хабермас ; пер. с нем А. К. Судакова. – М. : Весь мир, 2022. – 577 с.

Хабермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / Ю. Хабермас ; пер. с нем. Т. Атнашева. – М. : НЛО, 2023. – 104 с.

Apel K.-O. Die Diskursethik. Theorien-Entwicklungen-Perspektiven / K.-O. Apel. – Berlin, 2000. – 304 s.

Collins R. Conflict sociology: toward an explanatory science / R. Collins. – N.Y. : Academic Press, 1975. – 584 p.

References

Belyaev M. A. The deliberative model of democracy: basic principles and problems of implementation / M. A. Belyaev // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2019. – Vol. 14, No. 3. – Pp. 79–95.

Dahrendorf R. Elements of the theory of social conflict // Western sociology: modern paradigms: an anthology / R. Dahrendorf ; comp. G. N. Sokolova, L. G. Titarenko. – Minsk : Belorusskaya Nauka Publ., 2015. – Pp. 174–182.

Eemeren F. H. van. Systematic theory of argumentation: a pragmatic dialectical approach / F.H. van Eemeren, R. Grootendorst ; translated from English by I. V. Berestov, O. A. Domanov, D. V. Ilyina, I. E. Kim ; under the general editorship of O. A. Domanov. – Moscow : Canon+ ROOI "Rehabilitation", 2021. – 264 p.

Habermas Yu. Moral consciousness and communicative action / Yu. Habermas ; translated from German edited by D. V. Sklyadnev. – St. Petersburg : Nauka Publ., 2000. – 380 p.

Habermas Yu. Theory of communicative activity / Yu. Habermas ; translated from German by A. K. Sudakov. – Moscow : The Whole World, 2022. – 577 p.

Habermas Yu. A new structural transformation of the public sphere and deliberative policy / Yu. Habermas ; translated from German by T. Atnashev. – Moscow : UFO, 2023. – 104 p.

Leiphart A. Democracy in multicomponent societies: comparative studies / A. Leiphart ; translated from English edited by A. M. Salmin, G. V. Kamenskaya. – Moscow : Aspect Press, 1997. – 287 p.

Apel K.-O. Die Diskursethik. Theorien-Entwicklungen-Perspektiven / K.-O. Apel. – Berlin, 2000. – 304 s. [In Germ.]

Collins R. Conflict sociology: toward an explanatory science / R. Collins. – N.Y. : Academic Press, 1975. – 584 p. [In Engl.]

Для цитирования:

Честнов И. Л. Диалог как механизм разрешения юридических конфликтов // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 1 (10). С. 7–15.

Recommended citation:

Chestnov I. L. Dialogue as a mechanism for resolving legal conflicts // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 1(10). Pp. 7–15.

Сведения об авторе

Честнов Илья Львович – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

E-mail: ichestnov@gmail.com

Information about author

Chestnov Ilya Lvovich – Professor of the Department of Theory and History of State and Law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

E-mail: ichestnov@gmail.com